

НА БЕЛОМ МОРЕ

рассказ

Сергей СМИРНОВ

г. Москва

Поезд тащился еле-еле, казалось, вообще не доберётся до конечной станции. Скрипел сцепками, скрежетал и визжал на высокой ноте тормозными колодками. Из всех щелей тянуло осенним знобом. Пожилая проводница в мятой форме и съехавшем на самый затылок берете, под которым копна нечёсанных, спутавшихся волос с проседью, долго суетилась возле титана, пытаясь раскопчегарить печку для будущего кипятка.

Я давно проснулся, если можно назвать это сном. Ну как тут поспишь, когда несчастный «тихоход» подолгу простаивал на каждой станции, теряя драгоценное время? Иногда казалось, что еду не на поезде, «запряжённом» электровозом, а в почтовой кибитке — от перегона до перегона с остановками на почтовых станциях. Моя верхняя полка находилась рядом со служебным купе. Было слышно через тонкую стенку, как там шуршали и возились. К нашей проводнице на ночь глядя притащилась её коллега из соседнего вагона, и они, сначала громко обсудив железнодорожные проблемы, поминая недобрым словом начальника поезда, принялись составлять поездные документы, периодически роняя со звоном связку служебных ключей и гремя стаканами.

Вот и сейчас наш вагон основательно дёрнуло. Я выглянул в окно. За серой пеленой мелкого частого дождя жёлтое здание вокзала. Кажется, из всего плацкарта не смог выпилиться из реальности лишь я. Наш вагон, освещаемый тусклым дежурным светом, буквально содрогался от общего храпа пассажиров, в большинстве своем ехавших на Белое море работать вахтовым методом. Надеялись перед окончанием сезона успеть подзаработать: несколько раз сходить в рейсы на «рыбаках». Я тоже ехал на Беломорье в надежде малость поправить бюджет. На Финском заливе в одной из заброшенных деревень по глу-

пости чрезвычайно дёшево приобрёл недвижимость: полуразвалившийся просторный дом с широкой печью, покосившийся сарай на задворках и участок земли.

Со слов очень довольного сделкой бывшего владельца в телогрейке и сбитых кирзачах: «Земля здесь — бери сколько хочешь. Всё брошено, — обвёл он рукой пространство вокруг — заколоченные домишки, заросшие дворы и улицы. — Раньше был рыбколхоз со своей коптильней. Единственные жители — старушки колхозницы и парочка семейных мужиков, которые летом по заливу на катерках катают заезжих отпускников. Раз в неделю приезжает на гнилой «газельке» местный бизнесмен, привозит хлеб, консервы... А так тишина и покой! Электричество часто вырубается. Говорят, трансформатор менять надо, а денег где взять? Наскребаем потихоньку, всё одно не хватает. Я сам в Кронштадт перебрался, надоела местная разруха. При Петровском доке вахтёром-смотрителем устроился. Деньги начали вкладывать в Кронштадт: целые кварталы под ремонт поставили. Старинные форты снова оживут, теперь уже в качестве достопримечательности...»

Я слушал его и думал, что у самого не хватит не то что на трансформатор, а даже на основательный ремонт нового жилища, которое намеревался использовать в летние месяцы — вдали от шизофрении городской жизни. Пролитав возможные вакансии с хорошими заработками, остановился на одном объявлении: срочно требовался моторист-дизелист на малый рыболовецкий сейнер на Белом море. Созвонился, там сказали: приезжай. Только поинтересовались, где учился и имеются ли «корочки». Мореходку я окончил ещё в Латвии, после — срочную службу на Черноморском и Тихоокеанском флотах, на подлодках-«букарях» 667-го проекта. Движки когда-то мог с завязанными глазами собрать и разобрать. Так нас дрессировали в учебке в Кронштадте, а после — на лодках, потому что в походе некогда раздумывать, все команды выполняются быстро и точно. От этого зависит живучесть самого подводного крейсера и его экипажа.

Но всё когда-нибудь заканчивается: наконец наш поезд прибыл в город-порт Архан-

гельск. Сразу же с вокзала, не откладывая, пошёл устраиваться в отдел кадров. Там спросили, где остановился. Я приглядел недорогую гостиницу «Двина», от которой легко добраться до работы. Наказали завтра в восемь утра прибыть в порт знакомиться с судном и экипажем. Через два дня выход в море на промысел мойвы...

Мой МРС-239 стоял в сторонке и, поскрипывая канатами, тёрся кранцами о бетонный причал, слегка задирая нос, словно принюхивался, старался определить, что ждёт его в предстоящем рейсе. Поставив ногу на швартовую тумбу, стоял человек в тёмно-синей куртке с откинутым капюшоном. Он поглядывал то на серое небо, то на грязную, взлохмаченную воду и аккуратно сплевывал шелуху от семечек себе в ладонь. Вроде моего возраста будет. Позади него в такт судну колыхались сходни с протянутыми через стойки линьками-леерами.

— Здравия желаю! — поприветствовал я моряка.

Он обернулся, ничуть не удивился и запросто протянул руку:

— Коли так, дай краба.

Это оказался капитан «рыбака» Головня Максим Терентьевич.

— Прошу на борт, — сухо, почти по-военному произнёс он. — Можешь занимать место в каюте. Послезавтра на рассвете отваливаем, — и принялся показывать мне машинное отделение в средней части корпуса.

Главный дизель «Буккау-Вульф» в двести тридцать девять лошадиных сил был единственной силовой установкой, не считая вспомогательных агрегатов. Честно говоря, движок этот мне сразу не понравился. Много довелось работать с судовыми дизелями, но этот, застывший на фундаменте, словно ждал, когда же заботливые руки приведут его в порядок. Редкий механик или моторист так небрежно относится к своим обязанностям. Был он какой-то неухоженный. Кожух двигателя давно не красился. Маслопроводы в некоторых местах подтекали. Требовалось срочно заменить прокладки. В проходе на стальных листах настала тоже было довольно грязно.

— Вот так, дружок, — перехватив мой недоу-

мённый взгляд, пробурчал Головня. — Сам вижу, а что поделаешь? Жуткая текучка кадров. Все хотят на большие лайнеры с автоматикой да электроникой, с большой зарплатой. А тут сам видишь... — обвёл рукой машинное отделение.

— Ну что же, будем работать, — я постарался ободрить его, — что смогу — сразу сделаю.

Переодевшись в комбинезон, я проверил количество топлива, протёр и осмотрел манометры, топливную аппаратуру, заодно обратил внимание на генератор. С этими надёжными германскими дизелями познакомился ещё на восьмидесятках-сейнерах, которые давно не строятся, но некоторые эмзэрески в небольших рыбхозьях всё ещё на плаву. Решил попробовать запустить на холостом дизель. Подкачал масла, провернул коленвал, открыл вентиль главного пускового клапана, продул сжатым воздухом цилиндры, очистил от возможного конденсата и остатков масла. Стрелка тахометра на «пятёрке», хотя среднее положение — пятьсот оборотов. Поставил рычаг запуска в нейтральное положение, передвинул на запуск, дал слегка прогреться. Проверил масло на манометрах — всё в ажуре, дизелёк стал работать ровно, без закидонов. Рычаг на стоп, и машинное отделение наполнилось тишиной. Лишь горьковато пахло разогретым маслом. Не откладывая в долгий ящик, пока позволяет время, отправился смотреть трубопровод залива забортной воды для охлаждения. Вода поступала прямо с кингстонов по магистрали через фильтры и опреснитель, терморегулятор на «холодильник» и в контур двигателя...

Я не заметил, как день прошёл. Поднялся на палубу — уже стемнело.

Боцман, который сматывал в бухту канат, пошутил:

— Ну, ты теперь и швец, и жнец, и на дуде игрец. Стармех у нас заболел, дома с температурой лежит. Так что теперь ты вахтенный моторист и механик в одном флаконе. Терентьич в конторе договорился — будешь исполнять по совместительству две должности, и в зарплате — прибавка. А сейчас — шабаш! Мыться и на камбуз, чаю горячего хлебнёшь. Наш кок отпросился домой перед выходом, экипаж на сухпайке.

Наскоро проглотил стакан крепкого сладкого чаю вприкуску с сухарями и — в гостиницу.

В длинном коридоре «Двины» жужжал пылесос, дежурная горничная лениво водила щёткой по натянутой красной дорожке.

— Утром сдаю номер, перебираюсь на судно, — на ходу бросил ей.

— Ой, вы не спешите сдавать! В море так укачает, что захочется просто на кровати в тишине выспаться, — посоветовала она. — Можно оставить номер за вами. Сейчас не лето, гостиница пустая. Подумайте.

Так я и сделал. Рано утром, разбудив администраторшу, которая дремала в кресле, прикрывшись газетой, я попросил оставить комнату за собой, никого не подселять, при этом уплатил авансом за несколько дней вперёд. Тяжёлая стеклянная дверь гостиницы нехотя, будто оберегая предрассветное тепло, вытолкнула меня в октябрьскую осень.

В рыбном порту было по-утреннему сыро, темно, лишь оранжевые пятна ртутных ламп на мачтах освещения несколько оживляли причалы. На нашем сейнере из распахнутой стальной двери ходовой рубки лился наружу белый электрический свет. Низенький, похожий на Винни-Пуха, боцман Гаврилыч, проходя мимо, посторонился, пропустил меня вперёд и бросил небрежно:

— Все на борту. Уходим.

Над машинным отделением, расположенным в средней части корпуса, только ярусом выше, находилась ходовая рубка, а прямо на её крыше — промысловая рубка с ещё одним дублирующим рулевым управлением. Заскочил я в каюту переодеться и сразу спустился. Открыл штурвальчиками вентиля — горячий пар устремился с шипеньем к упорным подшипникам. Дальше, как обычно, сжатым воздухом провернул коленвал, запустил двигатель, и сейнер, кивая носом на волне, разрезая чёрную воду, пошёл на малом ходу из порта.

Теперь рыбакам проще: косяк через спутник из космоса можно легко обнаружить и даже определить его величину. И рыболовецкие суда, не сжигая зря топливо, точно выходят на место лова. В этот раз крупный косяк был зафиксирован в милях двадцати от береговой линии. В районе промысла мы были не первыми. Сейнера, словно озябшие водоплавающие птицы, неуклюже переваливаясь на волнах, старались быть подальше

ше друг от друга. Сразу с носовой мачты при помощи грузовой стрелы, разматывая ваера с барабанной лебёдки, мы спустили длинную сеть, свободно плавающую в воде, образующую при этом как бы вертикальную стену.

Лов пошёл замечательно! Жирная мойва нескончаемым потоком лилась в трюмы. Мойва — что за промысловая рыба такая, чтобы за ней гоняться по морю пусть на малом, но сейнере? Когда-то этой мелкой рыбёшкой только кошек кормили, и стоила она в магазинах дёшево. Но моё мнение о ней изменилось после того, как один товарищ по работе, техник-электрик Лёха Слепнев, заядлый рыбак, принёс на пробу мойву особого приготовления. Он выложил из промасленного бумажного пакета в большую тарелку обжаренную до золотистой корочки и предварительно обвалянную в манной крупе с солью рыбку. И не вышли мы из-за стола, пока от мойвы ничего не осталось — лишь несколько хвостиков, утонувших в лужице остывшего масла.

Из машинного отделения я выбежал на скользкую и остро пахнущую рыбой палубу глотнуть свежего воздуха. Промозглый ветер постепенно усиливался, а внизу море дышало сырой тяжестью, наваливалось на суда. Повинуясь силе, они покорно раскачивались, зарывая острые носы в шипящей пене накатывающей волны. Почти молочное небо нависало над нами. Кажется, стоит лишь протянуть руку — и ухватишься за него, оторвёшь кусок густого, струящегося меж пальцев эфира. Вот почему море это называется Белым.

Планировалось, что работа наша будет не более пяти суток, но рыба всё шла. Решено было задержаться: топлива — достаточно, продуктов — с запасом. Хоть и непрерывные смены на палубе, но все горели азартом, желание взять большой улов пересиливало усталость. Валились спать прямо в одежде, не в силах выпить стакан горячего чаю...

Через два рейса начал перегреваться кожух дизеля.

Наш капитан, Головня, недоверчиво коснулся тыльной стороной ладони нагретого металла:

— М-да, вот и всё, шабаш! Нам бы теперь по-

тихоньку на среднем и малом до дому добратся! И то, можно сказать, дизель давно на капитальный ремонт просится, а мы всё за деньгой гоняемся. А дизель — не человек, за себя постоять не может. Расход масла увеличился?

— Есть такое дело, — доложил я.

— Всё! Как только приходим — сливаем рыбонасосом улов и — в док. С начальством договорюсь, как бы беды не было... С меня же голову и снимут. Сегодня боцман во время осмотра судна заметил: приваренная заплатка на борту потекла. Видно, раскочило на большой волне. С такой латкой только в хорошую погоду ходить, а мы, значит, на промысел рванули... Лет сорок будет, как построен сейнер... Понимать надо. Ладно, ты смотри в оба, если что — докладывай немедленно. Нам аварий в море ещё не хватало! — наказал мне и загромычал тяжёлыми ботинками по трапу.

До берега пара миль оставалась, когда радист получил сводку погоды: ждать усиление ветра. Значит, волна пойдёт гулять, но мы уже дошли. Пронесло.

А вот одно судно всё же попало. То ли тросы у них лопнули, то ли намотали себе на винт собственную сеть...

Отсыпался я в гостинице двое суток. И тем же поездом, что привёз меня сюда, вернулся домой. Но теперь я уже не обращал внимания на дорожные шумы, возню проводниц и храпы пассажиров... Проснулся я, только когда поезд подошёл к платформе, основательно дернувшись, заскрежетал он межвагонными площадками. Напротив моего окна — здание вокзала «Волховстрой-1» с часовой башней со шпилем.

«Всё, доехал наконец, — мелькнуло в голове. — Недолго осталось, скоро Питер, Ладожский вокзал».

Заработанных на промысле денег вполне хватило и на ремонт моего загородного домишки, и на финансовую помощь по замене общественного трансформатора. Да и впереди долгая зима, за которую десять раз успею подумать, а не махнуть ли в будущем году на Камчатку, на промысел краба...

УШЕЛ НА РАБОТУ

р а с с к а з

Я пью чай в двухэтажной портовой гостинице с облупившимися стенами — уж седьмой стакан добиваю и поглядываю в окно. Из бухты, ревя сиренами, уходят на промысел суда-рыболовы.

Я жду звонка, и от этого ожидания на душе тревожно. Сиди и думай, когда же тебе сообщат: «Ну всё, браток, собирайся и давай на траулер». Но телефон молчал.

Ещё совсем недавно я ходил на танкерах в каботаже по Чёрному морю. И чего мы только не возили: от растительного кубанского масла до топочного мазута для котельных Измаила. А в этих местах всё по-другому. Чёрт меня дёрнул поменять Чёрное море на Охотское. Решили с одним товарищем порошу понюхать, испытать себя. Надоело в тёплой водичке «плескаться». И вот я здесь, на малом рыболовецком траулере. Была лишь одна вакансия моториста, и товарищу моему пришлось временно устроиться в городской котельной слесарем в ожидании свободного места плавсостава.

Телефонный звонок застал меня в ванной. Выскочив из душа, схватился мокрыми руками за трубку. Звонил капитан траулера Рябоконт: сегодня же отваливаем, пошёл косяк сайры, и, несмотря на понедельник и на погоду, через три часа уходим.

Я смыл остатки пены, наскоро обтёрся жестковатым гостиничным полотенцем и, надевая на ходу бушлат, скатился по ступеням на первый этаж. Администраторша, женщина лет сорока с пышной причёской, поинтересовалась, куда я так тороплюсь, что даже пальто надел наизнанку.

К счастью, гостиница находилась сразу за длинным глухим забором порта. На проходной показал полусонному вахтёру пропуск и, не оглядываясь, побежал к причалу, где о бетонную стенку бился кранцами наш МРТ с водоизмещением за сотню тонн. Три швартовых каната удерживали траулер. У самого трапа нос к носу столкнулся с боцманом Степаном Негойдой в тёплом коротком пальто.

Ещё не рассвело. Мела крупной позёмка. Судно, переваливаясь на волнах, развернулось и пошло к выходу из порта. Стрелки судовых часов в небольшой столовой для экипажа показывали ровно девять. Из камбуза доносились аппетитные запахи. Наш кок Гаврилыч быстро побросал на обеденные столы глубокие алюминиевые миски, наполненные макаронами с тушёной. Совсем неплохо для понедельника. Эх, ещё бы по пятнадцать капель — и жить можно! Но наш боцман — ярый борец с пьянством, не признает и не употребляет спиртного. Чувствуется некоторая отчуждённость, за время вынужденного отпуска все отвыкли друг от друга.

Степан ободрял нас:

— Механик за время простоя успел перебрать дизель. Теперь работает отлично. Мы и с одним винтом реванш возьмём. К ночи в районе промысла будем. Над косяком встанем, и пошло-поехало — только трал поднимаем. План выполним, и денежки будут.

Ветер крепчал, и траулер зарывался носом в обрушивающуюся на него шипящую ледяную волну, но уже в следующую минуту карабкался вверх, медленно и упрямо продвигаясь к месту промысла.

— До Шикотана не дойдём. Как бы в штормягу не угодить, — поглядывая на небо, мрачно изрёк тралмастер Трофимов.

— Вот чуток продвинемся — и порядок, — утешал боцман.

Я ещё не привык к здешним холодам и вездесущему запаху рыбы. На зимнем промысле, честно говоря, морской романтики тоже нет. Работа тяжёлая: не успеешь скатиться вниз в каюту, стянуть с себя провонявшую рыбой оранжевую непромокаемую робу, отдохнуть после вахты, принять пищу — и снова наверх на шесть часов к траловой лебёдке на продуваемую, скользкую от ледяных брызг палубу. Волны серого цвета на излёте окатывают с головы до ног, но в азарте работы их не замечаешь. Только после вахты приходит страшная усталость от постоянного напряжения, сырости и недосыпания. Эта зимняя предштормовая ловля отличается от нашей крымской. Здесь волна идёт высотой с десятиэтажный дом, а в Керченском же проливе зимние шторма больше напоминают крупную зыбь, хотя тоже на короткой волне ломают громадные танкеры...

Предыдущая вахта пошла отдыхать. Трал только что слили, затарахтел вспомогательный движок. Я двинул рычаг управления, и разноглубинный трал, разматывая ваер буксировки, вместе с досками, подвешенными перед устьем для раскрытия, пошёл под развернувшейся стрелой за борт.

Когда следующий трал пошёл на подъем, я вдруг заметил, что передняя крышка-щит редуктора лебедки при попадании на него брызг слегка дымит. Такой лёгкий парок незаметно поднимается и быстро уносится ветром. Снял перчатку, коснулся тыльной стороной ладони выступающего вала и тут же отдернул. Крышка горячая, градусов под девяносто. Плохо дело! Очевидно, передний нагрузочный подшипник или сухой, или, что вероятнее, развалился. Тогда лебёдку может заклинить в любую минуту. Перекрывая шум моря, механизмов и матюги матросов, я проорал в самое ухо тралмастеру, что надо приостановить промысел.

— Не сейчас, браток! Видишь, сайра так и прёт. Сама в трал лезет. Упустим время, косяк уйдёт или нас отнесёт, эхолот потеряет место.

Потом запарил сам кожух редуктора, зашипел вал. Мы успели ещё пару раз слить трал. Вал на выходе раскалился докрасна, завизжал на тонкой ноте подшипник, провернув вместе с валом ваерный барабан.

Я, дёрнув рычаг управления, остановил движение ваера и самого трала, повисшего на стреле за бортом. Наверно, всё могло бы произойти по-другому, если бы траулер имел двухбортную систему траления, но у нашего МРТ имелся только один рабочий борт с грузовой стрелой, располагавшейся впереди кормовой надстройки. Усугубила ситуацию и температура: к вечеру вместе с ветром до минус тридцати. Начался настоящий шторм. На скользкой палубе мы держались за что попало. Попеременно после каждого прилива волн скалывали лёд.

Рябокоть что-то крикнул нам из-за приоткрытой двери ходовой рубки, но разве услышишь? Тогда Трофимов, как мог, поднялся по ледяным трапам к нему, сказал что-то и тут же, на одних руках, держась за леера, почти не касаясь ногами скользких ступенек, скатился к лебёдке.

— Ты вот что, — еле услышал я, — руби ваер. Траулер дал крен на борт, ещё и обледенение началось. Иначе судно не удержим, перевернёмся за милую душу. Мы сейчас подтащим насколько возможно трал, постараемся ослабить трос, а ты бери клещи. Как только ваер чуть ослабнет, перекусывай. Только смотри, чтоб в лоб не заехал!

С большим трудом вахта, навалившись, чуть ослабила натянутый трос, и я, схватив клещи с гидравлическим поршнем-усилителем, перекусил ваер... Наш трал, ещё не заполненный длинноносой серебристой сайрой, вместе с траловыми досками, освободившись от удерживающего его троса, быстро исчез в воде. Такого страха я никогда не испытывал, даже когда ходил на подводной лодке в автономку на глубине свыше трехсот метров.

Проснулся в своей каюте в тех же защитных отсыревших штанах и резиновых сапогах. Куртка лежала рядом с койкой.

После капитан рассказал, что кричал тогда, перекрывая рёв шторма. Оказывается, кренометр в ходовой показал опасный крен на рабочий борт свыше сорока градусов. Хорошо, что

трал под винт не попал, — бывали такие случаи. Тогда трал затянет под киль к винтам, и всё, «стоп-машина»! В случае шторма судно вынуждено ложиться в дрейф, и тут чья возьмёт... Если повезёт, после сигнала «терпим бедствие» какое-нибудь судно да успеет оказать помощь или к берегу отнесёт. А если не повезёт, при большой волне идти на дно крабов кормить...

Трюмы мы тогда успели заполнить благодаря жадному тралмастеру Трофимову. Свои «мокрые рыбные» мы получили и снова разбрелись по домам. Нынешний сезон лова

закончился на несколько недель раньше из-за неустойчивой погоды.

В гостинице всё так же за стойкой, перелистывая журнал, сидела администраторша с пышной причёской, будто и не уходила совсем. Я попросил ключ от номера. Она не глядя сняла его с доски и лишь спросила:

— А вас вроде не было несколько дней?..

— На работе был, в море, — ответил я как можно равнодушнее.

ВОЛЧЬЕ ДОГОВО

рассказ

Ранним утром — телефонный звонок. Вылезать из-под одеяла не хотелось, но мой домашний телефон — «Красная заря», ещё довоенный, тяжёлый чёрный эбонитовый корпус с рогульками-рычагами. Этот «динозавр» может звонить сутками, и ничегошеньки с ним не делается, не то что современные, которые быстро сажают аккумуляторы и отключаются. Пришлось подняться с постели:

— Але?

В трубке из-за атмосферных шорохов и тресков почти ничего не слышно. Еле по голосу разобрал дружка своего по флотской службе — Андрюху, мужика беспокойного, с характером бродяги и отшельника. После дембеля в Гремихе наши пути с ним разошлись. Долго он не давал о себе знать. Теперь вот приглашал к себе в деревню среди карельских лесов. А когда-то жил в Москве, ещё до своего рожде-

ния побывал на Лубянке. В начале шестидесятых его мать, будучи в интересном положении, угодила в Большой дом из-за родственников за границу. Родной мамин дядя в войну попал в плен, в концлагере пристроился водовозом, а после освобождения оказался в оккупационной зоне союзников. Не пожелал вернуться на родину и переехал в Канаду, подальше от сталинских лагерей. Но сердце, видимо, щемило, и двадцать лет спустя обычной почтой отправил весточку.

«Представляешь, мой чекистский стаж равен моей жизни и даже больше!» — говорил Андрюха.

После дембеля старшина первой статьи запаса Андрей Сидорин связал жизнь с морем. Покидало его судовым механиком от Калининграда до Камчатки. И на «купцах» ходил через океан, и на пассажирских белоснежных

лайнерах нёс вахты в машинном отделении. Но однообразие плаваний всё более утомляло. Он списался на берег и осел в глухомани, купил заброшенный дом. Леса в тех местах непроходимые, но и сюда постепенно добралась неутомимая рука лесоруба-браконьера, хоть и следили лесники. Со старой техникой и маленькими зарплатами не очень-то затащишь здоровых молодых мужиков бегать зимой на лыжах, а летом на гнилом «уазике» по клюквенным болотам, по бывшим колхозным грунтовкам. В здешних местах не перевелись ещё волки, лисы, зайцы... Вот в таком месте и поселился бывший моряк.

Поначалу всё хорошо складывалось. Дом большой, пусть и забуревший, потемневший от прожитых лет, построенный по-северному — из толстых выдержанных брёвен. Когда-то принадлежал лучшей доярке — депутатке Верховного Совета СССР. Да ещё и с мансардой дом, и с видом на поле, на глубокий овраг, а дальше в лёгкой дымке голубел лес. Восходы и закаты за высоченными корабельными соснами. И ягодных мест хоть отбавляй! Опять же тишина, настоящая на травах, звенящая и искрящаяся под северным солнцем. От прежних хозяев осталась пожелтевшая почётная грамота, которую Андрей обнаружил во время генеральной уборки. Бережно, будто свою, повесил на гвоздик, торчавший из стены меж окон. Вот только комары жрали немилосердно. Комариное царство! Одним словом, север... Тем себя и успокаивал. Решил перезнакомиться с немногочисленными односельчанами, которых в заброшенной деревеньке, оказывается, надо ещё поискать. Отправился на разведку.

Фельдшерский пункт с заколоченными крест-накрест окнами. Рядом — высокая худощавая женщина в белом халате только что из ведра выплеснула грязную воду и, отжав тряпку, расправила, разложила её сушиться тут же, на крыльце. Вот и случай представился. Как раз у Андрея натёртость на ноге образовалась от грубых сапог. Надо бы йодом капнуть. Фельдшер сразу перешла на «ты» и пригласила внутрь. За беседой выяснилось, что окраина деревни вполне обитаема, там живут лесорубы-

бы-вахтовики. И ещё один такой же, как Андрей, «чудик» из Москвы в отпуск на ржавой «Газели» приезжает.

Выйдя из медпункта, Андрюха услышал непривычные удары чем-то тяжёлым по металлу. Осмотрелся и увидел окрашенную в белый цвет «Газель» — списанную карету скорой. Подле неё, заглядывая под днище машины, возился в полинялых трениках и футболке упитанный, усталый и злой хозяин авто. Он и есть московский отпускник.

Андрей на всякий случай поздоровался и пошутил:

— Что, сухопутный, дредноут встал? Пробоина?

Мужик от неожиданности вздрогнул и недружелюбно глянул на Андрюху.

— Кардан развалился. Где его теперь искать в такой глуши? Разве что к лесорубам ехать. Они там сосны валят, — и махнул рукой куда-то в сторону.

— Да, дела! — посочувствовал Андрей, глядя на безжизненно свисающий карданный вал. — Подшипники вовремя осматривать нужно. Да и капремонт не помешал бы, — рассуждал вслух, как судовой механик, но словами делу не поможешь. — Если велик имеется, то я слетал бы сейчас к лесорубам. В море и не такое бывало. Ещё полетает твоя «ласточка», бороздя местные дороги, раздвигая форштевнем давно непаханные поля.

— Ты не мореман ли будешь?

— А то как же! Конечно, моряк. Старшина первой статьи запаса.

— То-то я погляжу, кураж у тебя моряцкий, — оценил собеседник.

— А без куража и жить на свете не стоит. Или ты житуху за горло возьмёшь, или она тебя. Другого не дано. Жизнь, как кобыла, держи в узде.

У лесорубов как раз оказался кардан от «Газели», его недавно сменили на новый, а старый слегка деформированный, и его просто отдали.

Вал дотащили до места, поставили, опробовали и решили, что до столицы на малой скорости дотянет. Мужик в благодарность решил помочь Андрею разобраться с крышей дома.

Пока работали на гребне крыши, успели между делом познакомиться.

Новый знакомец освоил эти края из-за бронхита жены, часто болеющей в Москве. Наезжают сюда каждый год в отпуск ягоды по-собирать, подлечиться душой и телом.

Теперь уже и осень на пороге, бьёт в окна ветрами, гнёт верхушки сосен с бронзовыми стволами, а в ясные ночи за глубоким оврагом звучат волчьи песни. Вот я в эту пору и решился на поездку к флотскому дружку, заманившему меня в глухомань хорошей рыбалкой, непривычной тишиной и белыми грибами.

На поезде добрался до ближайшего полустанка, выгрузил из вагона под насыпь свой объёмный тяжеленный рюкзак, а в сторонке меня уже встречал Андрюха.

Он поселил меня в комнате с печкой. Комната ничего себе, только потолок побелкой на меня осыпался и об оконца шкрябали кусты шиповника, спать по ночам не давали. На следующий день как назло зарядили дожди, но мы всё же выбрались на рыбалку за сонными щуками, прячущимися в заводях под корягами, и на тихую охоту за грибным царём — белыми грибами.

Однажды утром, проснувшись, я вышел во двор в одних брюках, свитерке и галошках на босу ногу. Понял, наступила зима... Поседевшие вершины сосен в дальнем лесу за оврагом будто разом надели кавказские головные уборы из дорогой каракульчи. И поле за домом изменилось. С трудом можно было угадать те тропинки, по которым ещё недавно ходили через глубокий овраг и обмелевшую речушку на рыбалку с ночёвкой, забираясь в самую глушь. Вот интересно, к этому времени все уехали и собак своих забрали. Так откуда на снегу пёсьи следы?

Андрюха самозабвенно храпел за дощатой стеной, ему было всё равно. Храпел, словно сменившийся с тяжелой ночной вахты («собаки») моряк. А я, когда проснулся, как дежурный по камбузу приготовил ему яичницу с грибами. Спросил у него про следы. Он не знал. Решили поинтересоваться у местной пожилой фельдшерицы.

— Волки гуляют по деревням, — сказала она, — спугнули их люди своей техникой. Вот они, потеряв ориентиры, и забираются то дальше в лес, то назад в деревню в надежде лёгкой добычи. В деревне нашей когда-то дворов семьсот было. Клуб, библиотека, школа... Всё как положено, на лугах дойные коровы-рекордсменки паслись. Теперь всё это сгинуло: ни людей, ни коров — пропала деревня, а народ — кто помер, кто спился с тоски, работы-то никакой. Вот зверьё и веселится. Взрослый матёрый волк запросто сшибает быка с налёта. Видно, пищи не хватает или волчица ждёт приплод. Возможно, что и логово где-то недалеко, раз они днём отваживаются появляться. Будьте осторожны, вы не знаете их.

Расщедрившись, фельдшерица выдала крысиного яда, но предупредила:

— Применяйте в крайнем случае. По закону истребление волков отравой запрещено. Яд всыпьте в мясную приманку, в ведро с обрезками, смешайте всё в перчатках, чтобы не учуял, и оставьте за сараем или баней...

Новый год мы с Андрюхой отмечали широко. В прямом смысле, так как, кроме нас и фельдшерицы, в деревне никого. Даже лесорубы-вахтовики на праздники разъехались.

Пили чай с оттаявшей черникой и засахаренной клюквой. А после двенадцати с факелами вышли на улицу, стреляли в звёздное небо из ракетницы. Потом снова тишина. Бескрайние заснеженные поля в лунном свете, и лишь чернеющие спиленные сосновые пни. Собрались уже спать, как кто-то поскрёбся в нашу запертую, крепко сколоченную из толстых плах дверь. Мы погасили свет и приникли к окошкам. Во дворе разгуливала большая собака, похожая на овчарку. Но что-то подсказывало, это не овчарка. И даже не собака!

— Не дрейфь, — успокаивал меня, а больше себя Андрюха, — засовы надёжные. Спать пошли. Утром разберёмся.

Утром весь двор в волчьих следах. Зверь проверил и баню, и сарай, зачем-то покрутился вокруг колодца. Острыми когтями пытался копать мёрзлую землю под крыльцом. Стало ясно: нас он не оставит.

Днём старались выходить на улицу вдвоём.

На морозище — за дровами, в баньку — следить за огнём в каменке-печке тоже вдвоем. Коротче, надоело в прятки с волками играть! После очередной ночи с душераздирающим воем мы в старом ведёрке с величайшей осторожностью приготовили вперемешку с пищевыми отходами адскую смесь. Две ночи подряд никто не заявлялся, и только на третью услышали, как гремит во дворе ведро: зверь разгрызал замёрзшее содержимое.

Утром, вооружившись Андриюхиным подводным ружьём и вилами, осторожно выползли за дверь. Не сразу увидели лежащее за колодцем и припорошенное снегом тело. Больше волчьих следов в деревне не видели.

И только в начале марта, когда снег чуть стаял, решили спуститься в овраг за валежником. За темнеющим кустарником — вывернутое с корнем дерево и много звериных следов вокруг.

Андрей тут же дёрнул меня за рукав:
— Вот оно, волчье логово!

Он выхватил из чехла охотничий нож, а у меня был топор на длинном топорище. Из глубины норы доносился щенячий скулёж.

Хватит испытывать судьбу! Ноги в руки — и бегом. Возможно, волчица следила за нами. Или скоро прибежит с охоты. Семейка потеряла главного кормильца, вот матери и приходится оставлять голодных волчат одних.

Уже после отъезда я узнал окончание этой волчьей истории. Местный егерь поставил капканы на волчьей тропе, в один из них и угодила наша волчица. Капкан накрепко зажал ей заднюю лапу, но та, повинувшись природному инстинкту, отгрызла собственную конечность, доковыляла до логова, оставляя за собой кровавый след, а возле норы испустила дух. Волчат же егерь выкормил и подросших отвёз подальше от этих мест. Природа не терпит пустоты.

Андрюха же, не выдержав тихой жизни в глуши, затосковал по морю, бросил своё «имение» и уехал из этих мест насовсем.

Сергей Михайлович СМИРНОВ

окончил Московский железнодорожный техникум.

Публикации в журналах «Кольцо А», «Юность», «Нева».

Лауреат Литературного конкурса

маринистики имени К. Бадигина.

Призер и лауреат Всероссийского кинофестиваля

«История и культура»,

Международного открытого фестиваля

молодёжного и семейного фильма «Кино-клик»,

Открытого международного конкурса «КиноТок» (2019, г. Орёл).

В журнале «Север» публикуется впервые.

